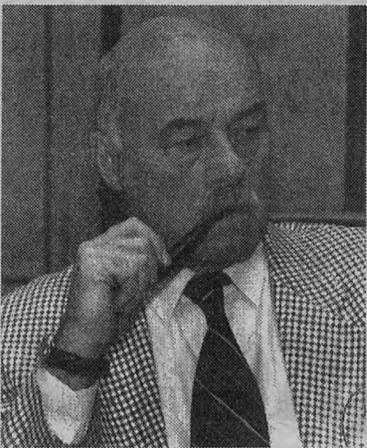

Кн. обозрение. — 1998. — 3 февр. (№ 5). — с. 5

СТАНИСЛАВ ТОВОРУХИЯ: «ЛЮДИ, ЧИТАЯ КНИЖКИ, ОДНОВРЕМЕННО СТАВЯТ ФИЛЬМ»

Известный кинорежиссер, депутат Государственной Думы отвечает на вопросы «КО»

«КО»: — Станислав Сергеевич, когда-то Ленин назвал роман Горького «Мать» современной книгой. Как на ваш взгляд, сегодня такие книги есть?

С.Г.: — Не попадалась мне современная книга.

«КО»: — А какие попадались?

С.Г.: — Ну, не знаю. Много. Сейчас вот читаю букеровских лауреатов.

«КО»: — Поговорите об этом.

С.Г.: — Приятное впечатление произвела «Медя и ее дети» Людмилы Улицкой. Все остальные книжки немного раздражают. Было у меня ощущение, что как бы уже есть рецепт сочинения книг для Букеровской премии. Это нужно, значит, писать без диалога, желательно без абзацев, кое-где мат, кое-где эротика подкинуть. Если собрать все эти произведения и изучить их, то рецепт, можно сказать, готов.

«КО»: — Может быть, в вас говорит профессионал, который всегда невольно смотрит, «как это сделано»?

С.Г.: — Нет. О рецепте думать тогда, когда нет правды жизни. Вот я прочел какое-то время назад роман Георгия Владимова «Генерал и его армия». Читал с удовольствием: замечательный автор. А потом подумал, проанализировал — и понял, что это ложь...

«КО»: — То же написал в нашей газете Владимир Богомолов...

С.Г.: — Так вот, о вранье. Возьмем книгу Ивана Стаднюка «Война»: о Сталине, о полководцах, о том, о сем, о пятом, о десятом. Читал с огромным интересом — но вранье. И Георгий Владимов: о Сталине, о полководцах, о войне. И тоже вранье — только «в обратную сторону». Другое вранье. Невозможно уже стало это читать.

«КО»: — Похоже, на данном этапе вы предпочитаете современные книжки.

С.Г.: — Ну нет, почему? Прошлый год у меня был годом Льва Толстого. Прочел-перечитал его в третий или четвертый раз. «Войну и мир», повести, рассказы, пьесы...

«КО»: — И что он вам сказал на этот раз?

С.Г.: — Наиболее сильное впечатление произвели «Казачки». Хотя я перечел и «Хаджи-Мурата», когда-то я обожал эту повесть. Но «Казачки»... Слово живешь вместе с героями, словно все осязаешь. Каждый звон комара слышишь. Действительно великая литература, написано восхитительно. Ну, а в позапрошлом году в основном я читал Бунина. Перечитывал, конечно, свои любимые «Темные аллеи»...

«КО»: — А нынче у вас что, год современной литературы?

С.Г.: — Сейчас я читаю не просто современную литературу, а современную литературу детективного плана.

«КО»: — Чем это вызвано?

С.Г.: — Во-первых, я всегда это читал. Считаю, что это полезно и необходимо. Потому что в таких книгах масса подробностей о нашей жизни. Мне вооб-

ще показалось, что в отличие от всех остальных жанров детектив сегодня у нас расцвел. И понятно почему. Раньше он был зажат в тиски всяких запретов. У героя, следователя прокуратуры или УГРО, не было права ни на что. Шаг вправо, шаг влево — расстрел: тут же книжка браковалась и в печать не выходила. Переспать с подследственной было нельзя. Написать подробно об ограблении банка нельзя, потому что скажут: выдаете рецепты будущим преступникам. Взятку взять работнику милиции — это было невозможно на страницах книги, хотя все знали, что в жизни они взятки брали, и даже очень. А чтобы мент оказался предателем и работал на бандитов — и не помысли. И так далее. Сейчас все это пишут в полном соответствии с правдой жизни. И детективы выходят во множестве. До девяноста процентов это абсолютная муть, иногда такие книги пишутся со знанием дела, хотя без капли таланта. Однако если за перо берется литератор, то получается удивительное произведение, заменившее во многом городской роман. Ведь такого жанра сейчас нет в чистом виде, я не вижу книг типа трифоновских, о сегодняшней городской жизни. А в детективах все это есть. Можно узнать, что сколько стоит, что кто покупает, как люди живут, чем питаются. И каковы нравы уголовного мира. И что происходит на улицах, в метро, трамваях. Какие реплики звучат. Все это можно узнать, если детективный роман пишет настоящий литератор. Например, Данил Корецкий, ростовский автор. Я прочел примерно десяток его книжек. Блестящая литература.

Александра Маринина — тут другой случай. Она практически рабочий, но сюжеты выискивает из пальца. Я прочел все ее романы, но то, что в них происходит, на следующий день абсолютно забываешь. И вспомнить описанные события невозможно ни при каких обстоятельствах. Однако сами герои, действующие персонажи, что переходят у Марининой из книжки в книжку, ее друзья-оперативники Коля Силуянов и Юра Коротков, и их начальник, этот «колобок», — все остаются в памяти. Они живут, эти персонажи. И если в следующий раз Маринина напишет книжку с невыдуманным, не выкрученным из-за правого уха сюжетом, но со старыми своими героями, то читать буду с огромным удовольствием. У нее, кстати, тоже масса подробностей житейских, о которых из других, как бы «серьезных» книжек не узнаешь.

А еще есть писатель Виктор Пронин. Когда-то он писал вроде как полудетективы — «Ночь без любви», «Кандибобер» — как мелкий специалист из банка все пытается придумать способ ограбления сейфа. У него к этому сейфу отношение, как к живому существу. Теперь Пронин перешел на чистый детектив. Его «Банда» всем понравилась, книга быстро разошлась, и он написал «Банду-3», «Банду-5». Это уже хуже. А первая «Банда» была хороша. Но читать можно все проникинские «Банды», потому что есть сюжеты, не высосанные из пальца. Ты узна-

ешь, какие нравы в уголовном мире, какое растет молодое поколение этих «отморозков». Много про них узнаешь, про эту молодежь. Есть у него еще повесть, называется «Женщина по средам». Так я даже хочу ее экранизировать. Сюжет хорош, позволяет делать фильм. Конечно, не совсем будет по повести, но она дает толчок...

«КО»: — Как складывались ваши книжные пристрастия?

С.Г.: — Если говорить о детстве, то скорее всего самое большое впечатление на меня произвел «Робинзон Крузо». Это Библия приключенческой литературы. Для мальчишки самое интересное чтиво. Увлекательное и полезное. Я потом уже, взрослым человеком, нашел в романе Руссо «Эмиль» такую фразу: «Поначалу библиотека моего Эмиля будет состоять всего из двух книг. Вполне достаточно. Первая книга — это Библия, а вторая — «Робинзон Крузо». Мне кажется, что пока человечество не испортилось окончательно, это будет считаться лучшим произведением литературы», — может, я где-то неточно процитировал, но смысл именно такой.

А помню, на Урале мы жили: я лежал на лавке — дело было в каникулы — и все десять дней читал Жюль Верна, его книгу «Дети капитана Гранта». Был я в первом или во втором классе. Жюль Верн — восхитительный писатель, настоящий писатель для детей. Девиз его, если вы помните, был: «Воспитывать развлекая». Это я потом пытался делать и в своих фильмах — и в «Детях капитана Гранта», и в «Робинзоне Крузо», и в «Приключениях Тома Сойера». Это главная литература, которая меня формировала. Как детство — главный период жизни. Я вслед за Горьким могу спокойно сказать, что всем лучшим в себе я обязан книге.

«КО»: — Сыну вы те же книги покупали?

С.Г.: — Да, когда он был ребенком. Он тоже, к счастью, оказался читателем. И повторил мой читательский путь: Джек Лондон, Конан Дойл, Майн Рид, Фенимор Купер. Ну, а потом у меня пошел период увлечения французской литературой. Я вообще-то такой, как бы...

«КО»: — Галломан?

С.Г.: — «Профранцузский» по настроению. Я любил Бальзака, Стендаля, огромное впечатление произвел Мопассан.

«КО»: — Вы это читали студентом?

С.Г.: — Нет, наверное, еще школьником. И всю русскую литературу прочел еще в школе. Только Достоевского, кроме «Преступления и наказания», читал уже позднее. Потом у меня были периоды перечитывания. Какое-то время мое чтение направляли толстые журналы. В основном, конечно, «Новый мир». Все началось с романа «Не хлебом единым». Потом изпод полы распространявшийся Пастернак. Огромное впечатление произвел Богомолов, его «В августе сорок четвертого...». Считаю, что это великий роман.

«КО»: — А его повесть «В кригере» вы читали?

С.Г.: — Удивительная вещь! Я хотал, как...

«КО»: — Хохотали? Она же такая страшная...

С.Г.: — Но там столько смешного! Просто умирал от хохота. Там такой язык — это надо услышать, это придумать нельзя. В каком году эта повесть вышла? Странное такое название... А «В августе сорок четвертого...» — это настоящая, стопроцентная литература.

«КО»: — У вас на столе лежат сборники стихов. Вы их читаете?

С.Г.: — Это мне приносят. Нет, обычно не читаю.

«КО»: — А какие книги вы дарите симпатичным вам людям?

С.Г.: — Множество раз дарил роман Богомолова «В августе сорок четвертого...». Может, я подарил эту книгу раз пятнадцать-двадцать. Начинать кому-то роман рекомендовать — и в конце концов дарил: «Возьми мою». Потом покупал — и опять дарил. Богомолов — писатель удивительно интересный. От «Ивана» до повести «В кригере»: какой диапазон! Ему я, возвращаясь к тому, с чего мы начали, доверяю больше, чем Владимову. Хотя, может быть, и Богомолов в своих суждениях о романе «Генерал и его армия» не вполне объективен. Вы тогда напечатали его возражения Владимову?

«КО»: — Напечатали, конечно. Потом была тишина. И, наконец, в «Общей газете» Артем Афиногенов, объяснивший в любви к Владимову, признал, что Богомолов почти прав.

С.Г.: — Я все хотел увидеться с Богомоловым. Очень хотел в свое время экранизировать «В августе сорок четвертого...» — этот роман еще называется «Момент истины». И очень порадовался, что он как автор закрыл материалы фильма, который снимал по роману Желаквичуса, не захотел, чтобы тот фильм вышел: в нем был совсем иной настрой, чем в книге. Повторяю: порадовался, потому что материалы Желаквичуса я посмотрел. Если увидите Богомолова, передайте ему, что я его почитаю. Очень ему симпатизирую, читаю каждую его строчку и жду не дожусь, когда появится новый роман, лет десять тому назад он говорил, что над ним работает.

«КО»: — После той нашей публикации нас поддержал Анатолий Рыбаков. Оппоненты Богомолова говорили тогда, что и у Толстого в «Войне и мире» есть какие-то неточности в описании Бородинского сражения. А Рыбаков сказал: ну у Толстого нигде не написано, что в войне с Россией победил Наполеон.

С.Г.: — Хороший аргумент!

«КО»: — В последнее время нам приходится довольно часто обращаться к V.I.P. — мы спрашиваем о круге их чтения. И они часто говорят, что уже много лет не читают, что читать им некогда. Раньше, может, партийники тоже мало читали, но как-то стыдно было в этом признаться. Что, в Думе в самом деле так много работы?

С.Г.: — Это все дурость такая. Серость. Я читаю по двести книжки враз. Правда, не смотрю боевиков: книжки интереснее.

«КО»: — Знаете, а многим ваш фильм понравился больше, чем книжка Вайнеров...

С.Г.: — Ну это, наверное, тем, кто книжку после фильма прочел.

«КО»: — Почему?

С.Г.: — Дело в том, что любой человек, читая книгу, одновременно делает по ней фильм. Представляет и горы — это я о «Детях капитана Гранта», и как орел Роберта унес, и Талькава. Причем в своей «постановке» он не ограничен ничем: актеры у него точно такие, как описаны, проблем с финансами нет. После этого он будет смотреть фильм, который поставил по книге, например, я, — и разочаровываться, сравнивая с первоисточником. О чем бы речь ни шла — будь то «Война и мир» или «В августе сорок четвертого...». Или новая какая-нибудь повесть Распутина.

«КО»: — Вам нравится Валентин Распутин?

С.Г.: — Этот человек оказал огромное влияние на целое поколение. Каждую его повесть ловили. Но сегодняшний Распутин мне не по душе. Как общественный деятель, как политик. Мне вообще не нравится ни та, ни другая шобла, которая собирается на разных полюсах. И те, кто лижет задницу президенту, мне не нравятся.

«КО»: — Станислав Сергеевич, это печатать?

С.Г.: — Печатайте! Так вот: мне неприятны и «те», и «другие». И так, сколько могу судить, рассуждают сегодня многие.

«КО»: — Но на серединной линии труднее всего собрать людей. Ведь для каждого середина — это там, где он сам.

С.Г.: — Вот я и не хожу на эти тусовки. Раньше ходил, а теперь не хожу.

«КО»: — Но за Зюганова голосовать вы призывали.

С.Г.: — Ну и что? Это совсем не значит, что я в его шобле. И сюда уже не хожу, и к себе не зову. Надоели. Я на серединной линии. Кстати, это термин Солженицына. Тем, кто на серединной линии, всегда трудно.

«КО»: — А как вам, кстати, солженицынская повесть в «Новом мире» — про банкиров?

С.Г.: — Сказать, что очень запомнилась, не могу, но читал с удовольствием. Даже с огромным наслаждением. Все, что выходит из-под пера Солженицына, читаю с интересом.

«КО»: — Он сегодня как будто в монастырь ушел.

С.Г.: — Его вынудили перестать выступать по телевидению. А в общем-то его ни на что нельзя вынудить. Я спрашивал его в свое время: что будете делать, если не будет условий для работы, для публикации? А он говорит: ну, меня это не волнует особенно, рассказ я напишу на колени — это его фраза, — а с большими работами я заканчиваю. Но что-то (это он говорил) я еще напишу.

«КО»: — Сейчас многие ваши коллеги по политике пишут мемуары. Вы не собираетесь последовать их примеру?

С.Г.: — Очень интересная книжка вышла у Миши Козакова. Коржаков, конечно, выпустил бестселлер. Правда, у него получается, что в Кремле только три порядочных человека — он сам, Тарпищев и Барсуков.

«КО»: — Ну, а вы-то когда напишете книжку «Что я видел»?

С.Г.: — Пока я охотнее читаю, что пишут другие.

Беседовала Т.БЛАЖНОВА.